

ОБРЕЗАНИЕ
ГОСПОДНЕ

словом, прежде чем сделаться новозаветным человеком, нужно еще побороть в себе ветхого, то есть — исполнить ветхозаветные требования...

Но далее: это лишь — начало... Это лишь путь, который нужно перейти. Ведь остановиться на этом (законе, борьбе, букве) невозможно. И по очень простой причине. Ни закон, ни буква не спасают душу. Борьба в Ветхом Завете была бесплодна (Рим. 7, 14—25). Человек, застывший на этом, духовно омертвевает, как, например, иудеи или наши староверы. Нужно достигать новозаветного состояния как совершенного, спасающего, свободного, подлинно духовного, а не мертвенно-обрядового. Действительно, нужно войти в завет с Богом, а не формально внешне остановиться на букве, на обряде.

Однако прежде нужно пройти «школу» законничества, чтобы, во-первых, почувствовать, как она тяжела (операция «обрезания» своей воли); во-вторых, понять, что мы своими грехами заслужили ее, эту рабскую школу; в-третьих, и это может быть самое главное, опытом познать, что сама по себе школа закона (буквы, обрядов, даже — и в христианстве) не достигает цели, не спасает, не утешает, не насыщает, не избавляет от зла... И что, следовательно, нужно искать какого-то иного пути спасения. А это и есть **благодать**... Там лишь оживает духовно человек, получая «Духа Животворящего».

Вот Господь, прежде чем получить в таинстве крещения благодать Святого Духа, снисшедшего в виде голубя, сначала исполняет закон. Так и нам, чтобы действительно сделаться благодатными, уже окончательно возродиться, нужно еще исполнять разные законы, каноны, «правила», «советы», «послушания», чины и так далее.

Закон, следовательно, нужно исполнять сначала.

Но особенно это было важно для Христа Спасителя, воплотившегося от иудеев и начавшего Свое служение спасения с них именно.

Иудеи были чрезвычайные «законники»... Ведь они и распяли-то Господа в конце концов потому, что Он представлялся им «противником» закона: «разрушает закон», — кричали они против Него. А сверх сего и «Богом Себя делает» [Ин. 5, 18; 10, 33]. Это уж казалось им верхом беззакония. Да и действительно, если бы Спаситель не был истинным Богом на самом деле, то это было бы ужасным беззаконием! Апостол Павел даже самое неверие их во Христа приписывает их обрядоверной ревности к букве закона, а цель закона — Христа — просмотрели (Рим. 10, 3—4).

И потому всякому, кто, как Господь, хотел что-либо делать среди этого законнического народа, безусловно, необходимо было быть самому на высоте закона. Иначе они и слушать бы не стали. И Господь исполнял все предписания. И после Он вызвал их на открытый вопрос: «Кто может обвинить Меня в неправде?» (Ин. 8, 46). Поэтому и обвинители Его не могли принести свидетельств нарушения Им закона... Тогда осталась уж одна вина: **Ты ли Сын Божий?**

— Да!

— Повинен смерти!

Так после и апостолы должны были считаться с этой законнической психологией евреев; и апостол Петр в Антиохии, и апостол Павел делали это неоднократно: последний обрезал ученика своего Тимофея, сына еврейки и грека, — «ради евреев» (Деян. 16, 3); апостол Петр «лицемерил» (Гал. 2, 11—13), хотя оба были против обрезания, даже евреев.

Обычай — великая сила, особенно когда они обоснованы на религиозной почве.

И сами родители Господа — Иосиф и Пречистая Дева Мария — не могли иначе поступать, как только по закону, будучи праведными евреями.

Так, следовательно, **закон**, данный **Богом**, нужно было исполнять уже и потому, что он сделался привычкой и у людей, у «народа».

«ЗАВЕТ»

Вот я написал выше: «Действительно, нужно войти в завет с Богом...» — и вдруг осенила меня новая мысль. А что это такое — «завет»?.. Ведь тогда будет яснее смысл и ветхозаветного обрезания; и откроется смысл его и для христиан.

«Завет» — это слово означает связь, союз, уговор; но эти слова сухие, деловые, формальные. А слово «завет» означает внутреннюю, интимную, духовную, живую связь с Богом. Завет — это **жизнь в Боге**, жизнь для Бога, жизнь с Богом. Завет с Богом — это значит обитание Бога с человеками, любовь Его к ним, **жизнь в них...**

Вот что такое **завет**.

А теперь ясны дальнейшие выводы? Еврей давал обет жить в Боге, а Бог — в нем. Да ведь это же главная цель существования человеческого!.. Да ведь это же цель создания мира!.. Это задача избранного еврейского народа — сохранить связь с Богом! От этого отпал весь мир (фактически — и иудеи и язычники: «все согрешили и потеряли славу Божию» (Рим. 3, 23; ср. 2 гл.)). Потеряли живую связь с Богом. **Восстановить ее, вступить в Новый Завет и пришел Господь Спаситель...**

Люди исполняли символ (обрезание), а духа уже не имели: «Не то истинное обрезание, — говорит апостол Павел, — которое по телу, а которое в сердце духом» (Рим. 2, 28 — 29). О язычниках же и говорить нечего

Как мы знаем из Евангелия, при обрезании в восьмой день по рождении называли имя (Лк. 2, 21). Это делал обычно отец новорожденного (в храме); а чаще всего называла мать. Так Ева дала сама имя Каину, Лия — своим сыновьям; Иаков и Рахиль — Вениамину; Анна — Самуилу, мать и отец — Иоанну Предтече и т. п. (Быт. 4, 1; 25—26 и далее; 35, 18; Лк. 1, 59—63). И если вы по Библии просмотрите хотя бы эти случаи, то легко увидите, что имена давались не случайно, а со — значением. Обычно означалось осуществление чего-либо ожидаемого или назначение рожденного и т. п.

Господь, как мы видели и знаем, пришел для чего? Для того, чтобы восстановить порванный завет людей с Богом, живой завет, оживить людей или, как мы обычно говорим, **спасти** людей... Поэтому как Его было иначе назвать, как не **Спаситель**? Очевидно? — Несомненно.

А по-еврейски Спаситель (Иисус — греческое слово от еврейского) — Иехо-шуа (или сокращенно Иешуа, Иешу), что значит «Бог спасение его», или еще короче — «Бог Спаситель».

К обычному человеку это прилагалось в том смысле, что носящий его находится под особым покровом Божиим. По отношению к Иисусу Христу так же сие применимо. Отец возгласил: «Сей есть Сын Мой возлюбленный, через Него и в Нем Мое благоволение» (Лк. 3, 22); то есть Иисус Христос — есть **Бог**. Но через эту любовь к Сыну восстановится любовь Отца и к людям; и, таким образом, Он Сам, то есть Сын, соделается Искупителем, «Спасителем».

Это имя дано было еще раньше Рождения, при Благовещении, архангелом Гавриилом, то есть по повелению Пресвятой Троицы (Мф. 1, 21) с объяснением, что Он — Иисус — избавит (славянское «спасет») *люди Своя от грех их* (Мф. 1, 21).

Он спасет; не «сами» они спасутся. Следовательно, уже в этом имени указано все Его будущее — **Искупи-**

тельное служение миру. Или иначе сказать: в имени Его сокращенно, словом, наименовано то, что совершалось делом, чином, обрядом — обрезанием, как знамение установления связи Бога с людьми. Дело Господа Иисуса Христа — в одном имени — **Спаситель** — «Иисус — имя Ему!»

ДЕНЬ ИМЕНИН

Отсюда теперь понятно, что день обрезания Господня есть и день Его имени, или «именины». А назван Он «Богом» — по Отцу Своему. И вообще у евреев было желание называть сыновей по имени отца: так родственники советовали Елисавете назвать Иоанна Крестителя в честь отца (Лк. 1, 59).

В имени уже указано все последующее дело Господа: в начале указано все остальное. Как в семени — будущее: и зелень, и колос, и зерно, и хлеб, и питание, и жизнь. Так и новозаветное сплелось с ветхозаветным: пришел Спаситель «ветхого» человека, дабы сделать его «новым»: Ветхий Завет переходит в Новый.

И теперь понятно, почему Обрезание должно было быть **первым** праздником по Рождестве Христовом: это **узел** Ветхого и Нового Заветов, **конец одного — начало другого**; это определение всей последующей задачи: это, следовательно, нужно было обозначить в самом начале. Потому и праздник пришелся между Рождеством и Крещением, не оттого лишь, что обрезание должно было совершаться в восьмой день (с 25 декабря восьмой день — 1 января); но и по смыслу, взаимоотношению событий: сначала Рождение, потом означение Его служения, и уже потом — выступление на проповедь, Крещение.

Но сие именование, сии «именины» Господа Иисуса Христа, были сокровенны... Никто и не подозревал тогда исполнения смысла имени Иисус, кроме Иосифа

и Марии. При Рождении хоть были пастухи, волхвы, — узнал Ирод, книжники и так далее; при Сретении будут праведный Симеон, Анна и другие в храме, — равно и «всем чающим спасения в Иерусалиме» говорила Анна пророчица (Лк. 2, 38). А здесь — только Иосиф и Мария, да священник, совершивший обряд в храме... Именины Господни сокровенны.

И самый праздник такой «спрятанный» между двумя другими великими событиями... **Свой лишь.**

Так нам открывается, что нынешний праздник есть «день Иисусов».

Если Вознесение есть «день Спасов», день Его, как обожествленного, прославленного Сына Божия, как Бога; то нынешний день есть день Его **по человечеству**: ныне Господь принял на Себя человеческое, или, как «Сын Человеческий», ныне Он «вписался» в наше «гражданство» земное, чтобы потом приписать нас, при Вознесении, к гражданству небесному.

Ныне особенно ясно, что Он — «наш», «нашего смешения», естества человеческого. Он и называется, как и все; Он еще — Младенец, беспомощный, как и все; Он видим пока именно, как Человек. Славы Божией не зрится еще в Нем. И обрезывается — **плотски, человечески...**

Мне это обрезание плоти раньше казалось слишком уж человеческим. Да! Но Он был именно совсем, совершенно, как и мы, Человеком.

Невольно приходит сравнение с нашими именинами. В прежнее время имя давалось тоже в восьмой день. И у нас имя дается родителями или крестным отцом. И у нас — это свой семейный праздник. И у нас иногда давали по значению... А особенно — монашеские имена...

А теперь — вывод: в день имени Господа нужно просить милости у «Именуемого», про Которого апостол Павел говорит, что Бог Отец по Вознесении даро-

вал имя выше всякого имени, дабы о имени Иисусове всяко колено поклонилось небесных и земных и пресподних, и всяк язык исповестъ, что **Иисус Христос есть Господь в славу Бога Отца** (Флп. 2, 9–11).

Значит, в сей день наречения имени Его и мы должны:

- а) **поклониться** Ему как Господу,
- б) **возблагодарить** Его, что пришел ради нас, и
- в) просить главного, о чем говорит Его имя и что делает Он в чине обрезания, — **спасти нас**.

Иисусе Спасителю, **спаси нас!**

Иисусе Искупителю, к Отцу Твоему приведи нас!

ЧТО ТАКОЕ — ОБРЕЗАНИЕ?

Теперь мне хочется немного возвратиться к установлению самого обряда обрезания в Ветхом Завете, к его истории, смыслу, форме... Все это ведь **богоустановлено**, следовательно, чрезвычайно важно...

Точно золотые россыпи открываешь... Зерно на зеркале.

Вот как впервые говорится об этом в слове Божиим, в Библии (Быт. гл. 17).

Господь явился Аврааму и обещает ему, бездетному, произвести от него «многие народы». И потому переименует ему имя из Аврама в Авра-а-ма. И заключает с ним завет, и со всем потомством его, в *завет вечен* — **да буду тебе Бог**, то есть буду твоим Богом, близким. **Дам тебе... землю...** и потомкам, *и буду им Бог*. А ты завет Мой соблюдай, «благоугождай предо Мною и буди непорочен».

И вот «завет» или знамение этого завета: *обрежется от вас всяк мужеск пол, и обрежете плоть крайнюю вашу, и будет в знамение завета между Мною и вами. И младенец осьми дней обрежется вам... И будет завет Мой на плоти вашей в завет вечен.*

Необрезанный же мужеский пол, иже не обрежет плоти крайняя своя в день осмый, погубится душа та от рода своего: яко завет Мой разори (Быт. 17, 10—14).

И 99-летний старец Авраам со всею семьею обрезался в тот же день. И этот закон так строго исполнялся, что из-за нарушения его едва не погиб сам «друг Божий» Моисей.

Когда он после явления ему Бога на Хориве возвращался из Мадямской земли в Египет для спасения народа и шел вместе с женою Сепфорою и сыном, а последний был не обрезан: видно, мать жалела его и не хотела исполнять этого еврейского обычая, а отец Моисей не настоял по снисходительной нежности к жене, — тогда Господь, терпевший это в чужой стране, не потерпел, когда Моисей шел к своим, и притом с такою высокою Божиею целью. И явился Бог ночью на ночлеге и хотел поразить Моисея смертью.

В чем это выразилось, — в Библии не говорится. Тогда жена взяла острый камень и обрезала сына своего... И Господь пощадил Моисея (Исх. 4, 24—26). Так строго исполнялся Божий завет!

Спрашивается: какой смысл именно в этом символе?

Обрезание говорит о смерти... Крайняя плоть — путь жизни человеческой. В то же время — средоточие страстности. Значит, кто хочет иметь завет с Богом, тот должен свергнуть с себя страсти, или грехи: жить непорочно. Поэтому у пророка Иеремии сказано: *обрежьте Богу вашему и обрежьте жестосердие ваше, мѹжие иудины... да не изыдет яко огонь ярость Моя... и не будет угашаяй, ради лукавства начинаний ваших* (Иер. 4, 4); то же святой Моисей говорил (Втор. 10, 16).

Кто хочет иметь связь с Богом, должен отказаться от всего, даже от **самой жизни** своей. Любить Бога, быть Ему преданным до смерти, всецело; как бы заранее предать себя на смерть Бога ради. Или: принести **себя в жертву**... Умереть для себя и жить для Бога.

Таков сильный смысл этого обряда.

А это ясно приводит нас к двум выводам:

- к кресту и
- к крещению.

ОБРЕЗАНИЕ И ИСКУПЛЕНИЕ

1. Идея обрезания — идея **крестного пути** за Богом.

Человечество внешне исполняло это; но внутренне евреи отошли от Бога... А язычники и внешнего не творили. За это грозила гибель человечеству. И тогда Господь Иисус Христос взял крест человеческий на Себя — и предал Себя за людей смерти.

Так, следовательно, обрезание служило прообразом Голгофской смерти. И, обрезуясь в восьмой день по Рождении, Господь этим уже предсказывал Свою искупительную жертву. Обрезуясь — человеческим обрезанием, Он брал на Себя грехи людей; и в Своей плоти показывал миру, что берется вместо них исполнить закон, быть непорочным в завете с Богом, а за их грехи умрет смертью.

Так открывается связь обрезания с искуплением.

2. Другая связь — с нашим крещением.

Об этом апостол Павел совершенно ясно говорит в Послании к колоссянам, где он сравнивает оба эти вида Завета: обрезание Ветхого Завета и крещение Нового Завета [Кол. 2, 11—13]. Там обрезание плоти — здесь обрезание сердца; там рукодельное — здесь нерукотворенное; но там и здесь — связь с Богом. Здесь, в крещении, эта связь выражается только в ином обряде; но значение его то же: смерть ради Бога. Человек, погру-

качества... А вступивший в связь с Богом, сделавшийся — по обещанию хоть бы — членом Его Царства, — он уже Божий; а потому ему и дается теперь «человеческое» имя, отличающее его от животных. А нередко и в самых именах отличалась та или иная связь человека с Богом. Особенно это видно у евреев, — из Иегова (или иногда сокращенное — Ие и др.) весьма часто входит в состав имени: Иоанн — Божий милостивый дар; сербское — Божидар; Гавриил — сила Божия; Мария (Мариам) — превозвышенная, великая (Богом); Иехо-ния; Ио-аким; Анна — сокращенное из Ио-анны — благодатная и миловидная и так далее.

Но почему завет и имя — соединяются с крестом (обрезанием)? Потому, что падший человек не иначе может вернуть утерянную связь с Богом, как уже через страдания при исполнении завета. Но поелику он, в конце концов, оказывается бессильным исполнить завет и заповеди, то его крест переходит на Сына Божия. И только после Его страдания люди становятся «чадами Божиими» и получают это славное имя, а Бог становится снова им Отцом.

Так, следовательно, наименование при обрезании указывало на то, что после искупления Христом мы уже не принадлежим себе, ибо «откуплены» кровью Его; и Он уже, как Господин, как Владетель наш, волен давать нам имена. Поэтому в христианстве даются имена при крещении или при предварительном моменте крещения — наречении имени, как бы подобном обручению пред свадьбой, или наречению во архиерея раньше хиротонии.

И Спаситель нарекался ранее Своего крестного служения, уже взяв на Себя **обязательство** (дав «залог») **спасти** людей.

Замечательно, что у сербов день «славы» так и называется: «крестно имя» — «крестное имя»; то есть они, их предки, получили имя при крещении, но самое

слово «крещение» заменилось однозвучным — и внутренне, догматически сродным — «крестово». Получилось: «крестное имя».

ПРАЗДНИК ИМЯСЛАВИЯ

Осталось мне из своих мыслей упомянуть разве о том, что если бы когда-нибудь возник вопрос об установлении особого праздника святому имени Иисуса, то несомненно сим днем подобало бы избрать сей день наречения имени Спасителю. В связи с этим глубокий богослов в нынешний праздник мог бы углубиться в эту великую тайну имени Божия и имяславия.

ИСКУПИТЕЛЬНОЕ ПОСЛУШАНИЕ

Человек должен был **исполнять** закон, чтобы спастись. Он этого не смог. Закон же, данный после, оказался ему непосильным и только обличал его беспомощность и подвергал клятве за неисполнение, подобно прокурору на суде. Господь **вместо** человека взял на Себя исполнение закона, и вот с самого уже Рождения начинает исполнять закон. А исполнять закон значит — проявить смирение, послушание Законодавцу Богу; значит — отречение от своей пагубной воли.

Исполнением закона Господь показал, что и первые люди **могли бы** исполнить заповедь Божию. А если не исполнили, то виноваты сами перед Богом... А эта вина опять снимается Им же: Сам Господь исполнил закон. Он крестом заслужил власть ходатайствовать пред Отцом о помиловании не исполнивших его.

И еще — так как все искупление есть смиренное исполнение послушания Отцу: «Я пришел, — говорит Господь, — да творю волю Отца Моего» (Ин. 6, 38); и апостол Павел говорит о Христе: «Он был *послушлив даже до смерти*» (Флп. 2, 8); то можно сказать, что

нынешнее обрезание уже есть **начало искупления**, — как начало послушания законам Божиим.

Впрочем, так как это начало было уже в Рождении Господа, то Обрезание нужно назвать уже продолжением взятого искупительного подвига, но — более очевидно говорящим именно о смерти, о кресте, Голгофе, о жертве.

ЗА ГРЕХИ НАШИ

Теперь мне осталось отметить лишь одну сторону смысла обрезания. Во всяком деянии Господа мы видим проявление искупительного подвига — **за нас**. «Нашим крещением крестился», «за наши» грехи распят, «с нами вознесся» и так далее.

Обрезание означало еще и **казнь**, наказание за грехи. И эту казнь ныне приемлет на Себя безгрешный: не подлежавший, следовательно, наказанию. А в таком случае Он начинает терпеть за других, за нас. А следовательно, можно сказать: «нашим обрезанием обрезуется».

Но для этого требуется «обрезывать» (урезать, отсекал) свою волю как падшую. Правда, болезненность здесь необходима, то есть принуждение, борьба против себя. И конечно, это есть последствие грехопадения; но наказанием, кажется, лучше бы не называть. Впрочем, если это «отсечение» воли, это скорбное принуждение является (несомненно!) «последствием» падения, то и тогда можно сказать про Спасителя: Он начинает терпеть это за нас, страдать нашим страданием. В дальнейшем же смысле — это страдание можно назвать «наказанием».

ПОДЗАКОННАЯ КЛЯТВА

В связи с этим следует выяснить и вопрос о клятве. В слове Божиим ясно говорится о **связи Закона с**

клятвою: *Христос ны искупил от клятвы законныя, быв по нас клятва* (Гал. 3, 13). Вот послал Сына Своего... *раждаемого от жены, бываема под законом, да подзаконныя искупит, да всыновление воспримем* (Гал. 4, 4—5). А ныне Господь начал исполнять закон.

Мы согрешили в прародителях; а потом и сами грешили и грешим. Закона не исполняем... А всякий не исполняющий проклят: это мы ощущаем, когда «совесть мучит»... Что же делать? Исправить, особенно — прошлого, мы уже не в силах; и потому остаемся под клятвою. Так закон всех подводит под клятву, и лишает любви Отеческой, или «всыновления»... Это и есть «подзаконная клятва».

Далее: как же Христос искупает нас от нее? и именно «исполнением закона»? Мы не могли этого и не можем. А Он начинает исполнять и исполняет... Что же мне из того?

Возьмем пример понятный... Сын, предположим, не хочет поститься, говеть и т. п. Тогда мать начинает все это творить за него; а свое особо продолжает... Это она делает по связи с ним, по единению, по любви... И труд ее Господь принимает за сына, и милует его: на этом ведь основаны молитвы и милостыни за умерших... Этим он освобождается от наказания...

Подобно сему Господь начинает исполнять, как должно, закон — не внешне лишь, но главным образом внутренне, за нас. И Господь Отец принимает эту жертву единения и снимает с нас клятву... И возвращает опять Своего Духа, Которым снова усыновляет людей.

О сем и говорит апостол Павел. Искупленным (уже) через Христа это дается: *и понёже* (так как) *есте сынове* (уже), *посла Бог Духа [Сына] Своего в сердца́ ваша, вопи́юща: Авва: (то есть) Отче* (Гал. 4, 6).

Вот небольшой намек на объяснение...

II БОГОСЛУЖЕНИЕ ПРАЗДНИКА

ОБЩЕЕ ВПЕЧАТЛЕНИЕ

Первое. Служба весьма **невелика**: мало стихир, мало тропарей, часто повторяются. Точно у авторов нет сил подняться на высоту торжества и развернуть крылья.

Да и действительно, **круг идей** весьма ограничен — по сравнению с другими праздниками; а высказанные мысли повторяются. Это показывает ограниченность праздничных чувств и переживаний...

Второе. Служба святителю Василию Великому почти всюду пересиливает Обрезание. Например, малая вечерня (аще — храм) есть лишь Василию Великому, а празднику — нет; это совершенно исключительно! Стихир вообще больше святителю Василию; Евангелие на утрени — ему же. По 6-й песни, где обычно бывает кондак главного праздника, помещен [кондак] святителю Василию; а кондак праздника — по 3-й песни; да и в нем упомянуто о святителе Василии; и так далее.

Что это значит?

Очевидно, авторы или Церковь в Обрезании не видела великого христианского смысла, а больше — простое исполнение закона Ветхого Завета... Это сочетание праздника и памяти святителя Василия заглушило и то, что могло бы быть дано.

Впрочем, почти все высказанные выше мысли находятся в праздничных песнопениях, правда, мало раскрытые, а лишь отмеченные.

ЗАКОН ИСПОЛНЯЕТ

Как и следовало ожидать, чаще всего мы слышим слово: «закон».

«...Закона Творец законная исполняет, и пророков пророчения...» (2-я стихира на «Господи, воззвах»). «Закон исполняя, закона Творец плотию днесь волею обрѣзывается...» ([2-й тропарь] 7-й песни [1-го] канона) и т. п.

Для чего же Христос делает это? Ответов на это несколько. Если уж Бог воплотился, если Он родился естеством человеческим, то по необходимости должен исполнить и последующее, что связано с Рождением, вочеловечением. А по закону еврейскому младенцы обрезывались. Это должно было и Ему понести. Эта мысль и высказывается в главном песнопении — тропаре: «На престоле огнезрачнем в вышних седяй со Отцем безначальным и Божественным Твоим Духом, благоволил еси родитися на земли... сего ради и обрѣзан был еси, яко человек осмодневный».

«Прешед (превосшедши) пределы (условия) Христос человеческого... естества, преестественно из Девы раждается...» [1-й тропарь 9-й песни 1-го канона]. Именно, «преестественно». Но уж воплотившись, затем, «...писание законное якоже повелевает, плотию обрѣзается...» [там же]. И это ставится в одну параллель с другими естественными последствиями: «...пеленами повивается... млеком питается...» (светилен) и проч.

Следовательно, как Человек, Он должен был исполнять все, что полагалось человеку в еврействе.

ПРИМЕР

Но все, что делал Господь, имело еще особенный смысл. И в данном случае Он этим указывает — «...Образ и начертание всем ко спасению...» (2-я стихира на «Господи, воззвах»), то есть дает пример исполнения закона... Вот здесь я могу усмотреть подтверждение того чувства — необходимости **сначала** исполнить закон, о чем говорилось выше.

А особенно необходимо было Ему Самому исполнять все, потому что Он же Сам есть Законодатель, Творец закона. Если дал другим, то Сам должен исполнить первый; иначе Христос оказался бы противником Богу Законодателю, противоречащим Себе Самому. «Закона Исполнитель, не яко сопротивен Богу Сый Христос воплотивыйся показася, и сподобися волею обрѣзатися осмодневен» ([2-й тропарь] 3-й песни [1-го] канона).

Но какой же, собственно, смысл был в этом исполнении закона, хотя бы и необходимом? На это дается общий обычный ответ всех праздничных песнопений: «ради нас». «...По закону, **нас ради человеков**, якоже осмодневен, обрѣзуется Младенец» (седален по 2-й кафизме).

Что же это значит: «нас ради»? Кондак отвечает: «Всех Господь обрѣзание терпит, и человеческая прегрешения, яко благ обрѣзует...» Обрезывает наши прегрешения... То есть? Он пришел избавить нас от грехов, отрезать их от нас; и как видимый знак, **символ** этого, Он принимает обрезание... Но это не только символ, а уже и самое грешное естество наше оперируется, при отсечении крайней плоти. Этим Он начинает исправление, исцеление страстного естества нашего.

Даже и теперь мы, зря духовными очами на сие таинство обрезания Господня, ощущаем в душе своей — **усечение** страстного, чувствуем необходимость самоог-

Только и дается такое объяснение: клятву, наложенную Богом, Бог же и силен лишь был снять. Но здесь и коренится причина и сущность искупления: «умилостивить» Бога мог только Бог же, притом жертвою Своею.

КОНЕЦ ВЕТХОГО ЗАВЕТА — НАЧАЛО БЛАГОДАТИ

А раз наступило это время, то очевидно, что пришел конец времени клятвенному, то есть Ветхому Завету; наступает новое время, Новый Завет: уже вместо закона — благодать, вместо отлучения — усыновление, вместо проклятия — благословение.

Правда, все это лишь дается пока в зачатии; но уже начинается... День светает, ночь исчезает... Ветхий Завет — «спрятывается», — подобно как после Страстной недели снимаются ненужные уже черные облачения и прячутся в ризницу, заменяясь новыми, светлыми.

Эта мысль выражается неоднократно: «Обрѣзание приѣмлет... Христос... и сего́ днесь сень (тьнь, прообраз Ветхого Завета) спря́тает, свет возсиява́я но́выя благодáти» ([2-й тропарь] 1-й песни [1-го] канона). «Сло́во вопло́щенное пресу́щественное, в преста́тие закона обрѣзася: нача́ток же Божѣственныя благодáти, и жи́зни нетлѣнныя нам подаде́» ([1-й тропарь] 3-й песни [1-го] канона). «Обрѣзание преста́ (кончилось), отне́леже Христос во́лею обрѣзася, язы́к мно́жество (народов, а не одних обрезанных евреев) спаса́я благодáтию» ([1-й тропарь] 4-й песни [1-го] канона). «Прия́т конѣц закон, отне́леже (с тех пор, как) Христос... обрѣзание восприя́т...» [1-й тропарь 6-й песни 1-го канона].

Намеренно выписано много мест, ибо эти мысли — весьма важны. Я их объяснял ранее. Но ворочусь к ним и дальше... Здесь много радостного для нас, грешных!

Себя на страдания, крест, искупительная жертва Сына Божия — Богу Отцу.

«ТАИНСТВЕННАЯ ОСМЕРИЦА»

Но зато впереди... там, в отдаленном будущем... светлеется зарница «осмого дня»... Эта таинственная мысль выражена творцом канона Стефаном в самых первых же словах канона, следовательно, как тема, как самый таинственный глубокий смысл события, прозреваемый глубоким духом вдали времен... Что же это значит?

«Осмой день», по общему употреблению в церковном сознании, означает блаженный будущий век. А «семь» обозначает нынешнее земное существование. И творец канона, приступая к величанию такого, по видимому унижительного, события в жизни Господа, как обрезание, прозирает вдаль и видит — будущее **блаженство Царства Славы**.

Но сие Царство Славы и могло быть и будет только благодаря «вольной нищете», унижению Спасителя Христа. И потому день Обрезания не есть в конце концов день уничтожения, а, наоборот, день светлый, озаряемый будущими славными последствиями: «Осмерица дней, носящая образ будущаго (блаженства), Твоею, Христэ, просвещается и освящается вольною нищетою...» ([1-й тропарь] 1-й песни [1-го] канона).

Следовательно, ныне **праздник**... Ныне веселие... Да и несомненно: ныне кончается закон Ветхого Завета и начинается «возсиявать» «свет... новыя благодати» [там же, 2-й тропарь]. И именно только благодаря этой «вольной нищете», этому унижению Бога во плоти. Эта же мысль потом высказывается и в другом месте: «Будущаго непрестанную осмаго века жизнь изображает, в нюже (для которой) Владыка обрезася плотию»

([2-й тропарь] 4-й песни [1-го] канона). Та же мысль выражается и в проповеди святителя Григория Нисского: «Осмодневное (обрезание) законоположися, осмаго мне века будущаго осмерицею назнаменуящи (указывая)».

Эта мысль много нас радует! И дает праздничное настроение такому смиренному крестному событию, как Обрезание: «конец дело красит».

◀ПРИЕМЛЕТ ИМЕНОВАНИЕ▶

В связи со всем этим теперь естественно в богослужении — хотя бы в конце, как вывод, — следует остановиться и на наречении имени Иисус.

Совсем не случайно, что о сем в богослужении заговорилось лишь к концу канона, в 8-й и 9-й песнях, ибо наименование есть как бы следствие или оглавление того, что нужно было выяснить раньше, то есть разные смыслы Обрезания. А когда это выяснено, то сокращенно дается наименование; когда указано, что совершается (спасение), тогда дается имя: «Во осмый день обрезуется, яко Младенец, Владыка: Иисуса же приемлет именованье, яко мира есть Спас и Господь (Бог Спаситель)» ([1-й тропарь] 8-й песни [1-го] канона). А потому: «Приидите, Владыки славная Христова именованья во святыни (со святостью) торжествуим: Иисус бо боголепно (богоподобно) наречется днесь» ([2-й тропарь] 9-й песни [1-го] канона).

Только Бог мог спасти людей! И только чрез искупительное уничтожение, или — что то же — через жертву, закончившуюся лишь Голгофою.

Поэтому и прокимен на литургии — празднику (на утрене — святому) — говорит о «спасении»: «Спаси, Господи, люди Твоя и благослови достояние Твое».

Объяснение я закончил. Теперь нужно остановиться на постоянном вопросе: о «благодати праздника». Или: какие по преимуществу чувства дарует сей праздник? Какой его основной смысл?

Вот что почувствовал я в конце концов.

О чувстве «законности» я уже говорил выше... И я прежде думал, что это и есть самое главное... Теперь, не отрицая отчасти и этого чувства, я, однако, пришел к другим выводам и настроениям... И их мне подсказала Церковь, премудрая в своих богослужениях. Вот мне урок: не полагаться на свои мысли, а искать ответа, или, по крайней мере, потом проверить «свое» песнопениями Церкви или творениями святых отцов... Именно.

Когда я остановился уже вниманием на имени — **Иисус Спаситель**, то невольно душа остановилась на мысли о спасении... Но ведь все праздники (например, и Успение) так или иначе касаются спасения? Да, но по-разному. И Обрезание дало мне совершенно особые мысли и чувства о сем, нежели, например, на Успение... В праздники Божией Матери я чувствовал кроме торжества — сокрушение, побуждение к покаянию, к мыслям о смерти своей, о необходимости «подвигов» и т. п. Вообще о том, что **мне** должно делать для спасения. Но на Обрезание этот вопрос открылся совершенно с иной, **обратной** стороны, со стороны того, что — **не от меня, а от Бога**.

И вот как я пришел к сим чувствам.

Обрезание является гранью: **конец закона, и начало благодати**... И вот тогда-то мне и открылось новое. Я прежде думал о «законности»... А оказывается нынешний праздник есть **конец надеждам на закон**... Радостно даже... Вот посмотрим-ка!

Рассудим: ныне **праздник**? — Да. И еще почти двенадесятый? — Да... Так не ясно ли, что ныне **должна**

быть какая-то особая радость? — Безусловно. В чем же она? Вот далее и вникнем в приведенные выше слова: «престание закона... начаток благодати». «Закон»? — что это такое (понятнее сказать).

Это когда людям нужно делать дела и хоть этим спастись... А делать-то человек **не может**. Падает... Получается мучение: и от бессилия, и от обличающего голоса совести, от слова Божия (Бога) — от закона.

А выхода нет! Говорят нам: спасайся законом, заповедями, делами... — Да я не могу! — Ну, казись, — и в сей век, и в будущий.

О, ужас! О, тоска!..

Но вот тут открывается, что теперь найден другой путь спасения, — «даром», а не за «твои дела», по **благодати**, а не по **з-а-к-о-н-у**. Закон — это что-то арифметическое, развешенное поровну, справедливое... А уже где мне на справедливость рассчитывать, коли полон «без-закония»?

— Но неужели возможно спасение «даром»?

— Да! Вот пришел Некто, Кто «дарует» это «даром»!

— О! тогда есть выход. Тогда есть **спасение**... Кто Сей «Спаситель»? Дивный, сильный, благой?

— Это Иисус, Сын Марии! Это Избавитель. И имя-то Его — Спаситель, Бог, Иисус!

И возрадовалось сердце: Сам Бог спасает меня!

Вот какие мысли теперь зародились во мне... Понятно ли это?

А если так, то ведь это же — и суть **христианства** в этом откровении: о спасении благодатию.

И ныне, на Обрезание, Господь «запечатывает» закон, «прячет» его, как немошной, и объявляет Сам, Своим именем, что Он Сам будет спасать, а не люди «своими» делами спасутся...

И, таким образом, обряд обрезания больше относится к Ветхому Завету, а наименование Его — к Новому.

из Послания к галатам... Это послание специально написано в защиту веры против дел, благодати — против закона.

Обычно толкуют (иногда), что под «законом» понимается «обрядовый» закон, то есть обрезание, субботы очищения и т. п. Но — не только! Здесь понимается вообще путь **само**стного спасения, надежды на «дела».

Обратим внимание на слово «**свобода**» [катавасия 8-й песни канона]. Это слово противопоставляется какому-то другому состоянию — «несвободы», «рабству» (там же). В чем тут смысл? Как мне кажется, это можно понять и из нашего так называемого «христианского» положения... Вот человек грешит. Он — раб греха: это ясно. Но когда он хочет «своими» силами освободиться от него, надеется на себя, «старается», — **и все же не может**; он в действительности тот же раб: ради своей немощности, бессилия помочь себе; и к тому же его мучит это бесплодное его желание и веление, **побуждение** от закона — исполнять заповеди, дела. И человек делается несчастным страдальцем, точно прикованным к тачке «каторжным» невольником. Бесплодная, тяжелая работа! Вот «несвобода»... Или возьмем пример старообрядцев: исполняют до буквы многосложный и трудный обряд; а радости, «свободы», легкости душевной — не видят.

И вот тогда приходит Господь со Своею благодатью: милость от Бога даруется по **благости**, а не за «мои дела», которые столь ничтожны в глазах Божиих, особенно когда им придают значение каких-то довлеющих, «спасающих» условий.

И говорит христианство человеку: теперь вздохни свободно! Желанная милость даруется по ходатайству Сына! Ты же поверь в Его милость, проси ее!.. Спасение дается верою, да и она — «дар» благодати (Еф. 2, 8).

Что же? неужели не нужно **тех тяжких**, измучивших меня, немощного, «дел», на которые я опирался и которые заставлял себя творить безуспешно? Неужели цепи снимаются? Неужели «свобода»? Неужели возможны мир и радость?

Да! «Дела»-то ты будешь и должен — безусловно должен — делать, но только не прежде и не для получения благодати, а **после, и по причине ее, и при помощи ее, и даже для сохранения ее**. Но все это — **иго благо и бремя легко** (Мф. 11, 30); а главное, фундамент, основа — это **надежда на милость**, на благодать, во всем на нее. А ты уже помилован: только прими сие верою и смиренным, благонадежным сердцем.

И вот человек верует... И выходит на простор, на свободу (славянское слово: на «пространство»). И вздыхаешь духовно — «полною грудью». Слава Богу!

Это вкратце, но существенно, дано было мне пережить и за святым причащением.

«БЛАГОДАТЬ ЕСТЬ ФУНДАМЕНТ, ОСНОВА СПАСЕНИЯ»

Да ведь и всё «искупление» и все объяснения праздников на этом, в сущности, основаны. Раньше этого мне приходили мысли на литургии и об искуплении вообще. И тогда я писал (особое письмо) о чувствах своих, по евангельскому рассказу об утишении бури... Ладья пристала к берегу... *...Бысть тишина...* (Мк. 4, 37–39).

На Обрезание же дано начало сей благодати. Как «дано»? Самим **фактом** явления в мир и храм Того, Кто принесет эту благодать, и — наречением Ему имени Спасителя.

Вывод о психологии «благодати праздника»: **начало надежды** на спасение благодатью... Нам непременно нужно надеяться!

более?! Ведь Она и в Своей песни радостно восхищается, что «милость» воплощения дана была не другому кому, как «Аврааму и семени его до века»; что Бог снова «принял» отверженного «Израиля», «служу» (*отрока*) Своего, что Он вспомнил об избранном «Израиле» и вновь принял его в любовь Свою.

Почему же здесь (на Обрезание) говорится о Ее любви к Израилю? Ответ: «яко сени законной». Это значит: закон был «сению», тенью, прообразом благодати. Закон был благом только ради этого. Закон о Спасителе учил («детоводил») и *пестуном* был, ибо ко Христу вел [Гал. 3, 24]. Закон — воплощение Бога предсказывал. Закон — о Ней пророчествовал. Одним словом, хотя закон был как ночь, но из Него, как и из Нее, воссиял Христос!

Не политически и даже не национально, а ради Христа, ради спасения мира, любила Богородица Израиля и закон Ветхого Завета. Это объясняет и апостол Павел. У них (израильтян) — сыновство (Богу), слава (чудеса), Завет, закон, богослужение, обетования («Мессии»), их отцы (святые праотцы и пророки), и от них по телу — *Христос, Сый над всеми благословенный во веки* (Рим. 9, 4—5).

И как не вспомнить о сей любви, когда совершилась сень закона: пришел — «кончина закона», совершение его, исполнение — Христос Спаситель, — и ныне Он получил Свое имя и начал спасать людей, **закончив** (исполнением), или «запечатав» закон обрезанием?! Ради Него было установлено обрезание, как прообраз.

За сие и любила Богородица Израиля, сию «сень законную» новой благодати!

И как греховно, кощунственно огульное осуждение еврейского народа, и (о, ужасно!) даже всего **Ветхого Завета**, говорящего об Израиле, о любви к нему Бога и обетованиях ему, которым столь часто грешат ныне даже многие так называемые «христиане»! Нужно тер-

петь их, жалеть! Нужно молиться за них! Они и без того держатся Господом в скорбях! Ради хоть отцов, апостолов, апостола Павла, первых христиан, первых мучеников — жалеть их! А особенно — ради Пречистой Девы, «красоты Израилевой»!

Господи Спасе, спаси нас!

СЛОВО НА ПРАЗДНИК ОБРЕЗАНИЯ ГОСПОДНЯ

Ко всему этому мне хочется сделать выписку из прекрасного слова на Обрезание Господне, помещенное в Четых-Минях под 1 января. Оно принадлежит составителю житий, самому святителю Димитрию Ростовскому. В начале его излагаются мысли касательно праздника. Перевожу со славянского на русский язык, в сокращении.

«Господь наш Иисус Христос» «изволил претерпеть Обрезание»; «с одной стороны, потому, чтобы исполнить закон»; «а повиновался Он закону для того, чтобы сделать повинных ему и подработных (то есть закону) освободить; как говорит и апостол: *...посла́ Бог Сына Своего... быва́ема под законом, да подзаконныя иску́пит...*» (Гал. 4, 4–5).

«С другой стороны», обрѣзается, ради того, «чтобы показать, что Он принял истинную плоть», а не призрачную, — истинное и всецелое «человечество».

Далее приводятся слова святого Ефрема Сирина: «Кровию истою Своею обагрѣшесе Младенец, и боляше, и плакаше от болезни, якоже приятно бе естеству человеческому».

Далее, Он обрѣзался «еще же и того ради», чтобы ввести «духовное обрезание»; ибо «закончив ветхий плотской закон, Он начал духовный: как ветхий человек обрѣзывал чувствительную плоть, так духовный, новый должен обрѣзывать умные (мысленные, душевные) страсти».

Наконец, «обрезываясь в осьмой день, Он кровию Свою написал (или подписал, как бы долговую расписку или подписку на нашем долговом векселе) даровать нам жизнь будущую».

Кроме всего этого, «подобает ведать, что обрезание в Ветхом Завете установлено было в образе крещения и очищения прародительского греха»; но до «вольного Христова излияния за нас крови и до страданий» обрезание никак (всячески) «не очищало» обрезываемых. И только Господь «пригвоздил грех на кресте»; а вместо обрезания узаконил «новоблагодатное крещение водою и духом».

«Тогда, в Ветхом Завете, обрезание было как бы казнию за первородный грех и знамением его»; «язва которого оставалась на младенческом теле» сразу же после рождения (в восьмой день).

«Господу как безгрешному не подобало бы терпеть той язвы»; «но так как Он пришел взять на Себя грехи всего мира» и, как говорит апостол: *«не Вѣдевшиаго бо грехá, по (для) нас Бог сделал Христа жертвою за грех (2 Кор. 5, 21)»*, **«якоже грешник, аще и Безгрешный, терпит обрезание»**.

Уже, «как грешник», нашими грехами, воспринятыми Им на Себя **действительно** пред Лицем Отца Небесного, Он обрезывается.

И в этом обрезании Он «Владыка наш проявил большее смирение, чем даже в Рождении».

Далее. «Изволил принять обрезание, **предначиная страдать за нас**, вкушал ту чашу, которую имел испить до конца, говоря на кресте: *совершишася...*» «Из утра (жизни) кровию Своею начинает сеять, дабы к вечеру (Своего подвига) собрать прекрасный плод нашего искупления». Эти мысли были высказаны мною раньше чтения слова. Слава Богу!

А далее говорится и — об имени Иисус.

Сначала повествуется о «принесении» этого имени «с небесе архангелом Гавриилом» при Благовещении, прежде еще согласия Пресвятой Девы.

«Иисус — знаменует **спасение**, как протолковал это ангел Иосифу во сне». «И святой апостол Петр свидетельствует о имени Иисусовом, говоря: *...нестъ ни о едѣном же инѣм спасенія; нестъ бо иногo ѣмене под небесѣм даннаго в челове́цех, о нѣмже подобает спастися нам* (Деян. 4, 11 — 12)».

«Это спасительное имя Иисус было предуготовано и написано в Трѣйческом Совете прежде всех веков; и даже доселе хранимо было для нашего избавления; ныне же во искупление рода человеческого, как бесценный бисер, принесено было из пренебесных сокровищ (Иосифу и Марии Деве); а Иосифом было выдано («подано» — слав.) в откровение (на познание) всем. В том имени открыты (явлены) безвестная и тайная (дел) Божией Премудрости».

«Безвестна была сила имени Иисусова, пока она сокрывалась в Предвечном Совете, как бы в сосуде...» А теперь, «при излияннии младенческой крови в обрезании, оно, как миро ароматное, исполнило **благоуханием благодати** всю вселенную». И ныне уже *«всяк язык (народ) исповедует, что Иисус Христос есть Господь во славу Бога Отца»* (Флп. 2, 11).

«Явлена же стала сила имени Иисусова» многообразно: «дивное сие имя — Иисус — удивило ангелов, обрадовало человеков, устрашило бесов... От самого сего имени трясется ад, колеблется преисподняя, исчезает князь тьмы, падают истуканы, мрак идолюбесия, возсиявает свет благочестия (веры); оно просвещает всякого человека, приходящего в мир. О сем превеликом имени Иисусовом поклоняется *всякое колено небесных, земных и преисподних* (Флп. 2, 10)».

Сие имя Иисусово есть сильное оружие на супостатов, как говорит святой Иоанн Лествичник: «Всегда

именем Иисусовым бей ратников (врагов нападающих): сильнее сего имени не найдешь ни на небе, ни на земле».

«Сие дражайшее имя — Иисус — о сколь сладко сердцу, любящему Христа Иисуса! О сколь вожделенно имущему Его! Иисус бо есть весь — желание, весь — сладость. Сие пресвятое имя Иисус, о, сколь любезно рабу и узнику Иисусову, в любовь к Нему плененному!»

«В уме Иисус; на устах Иисус! Иисус веруется сердцем в правду; Иисус исповедуется устами во спасение (Рим. 10, 10)». «Ходит ли (человек), сидит ли, другое ли что делает, — Иисус пред очами: *не суди́х*, — рече апостол, — *ведети что в вас, то́чию Иисуса...* (1 Кор. 2, 2)».

«Иисус прилепляющемуся к Нему — просвещение ума, красота души, здравие тела, веселие сердцу, помощник в скорбях, радость в печалях, врачевство в болезнях, **отрада во всех бедах, надежда спасения**, — и Сам Он (уже в самом одном имени. — *М. В.*) любителю Своему награда и воздаяние».

«И ныне сие Божественное имя Иисусово напишется Его собственной кровию, при обрезании излианною... Напишется... в сердце и в устах рабов Иисусовых. Воистину сладок Он вкушающим Его любовь, — к коим относится сказанное в псалме: *вкусите и видите, яко благ Господь...* (Пс. 33, 9).

Вкусив Его, святой апостол Петр глаголет: *...се мы оставихом вся и вслед Тебе идóхом...* (Мф. 19, 27). К кому же иному пойдем? Ты *глаго́лы живото́а вéчнаго íмаша* (Ин. 6, 68).

Тою сладостию услаждены были и горькие муки святых страдальцев, так что они не боялись и самой горчайшей смерти. «Кто нас отлучит *от любви Божией*? — вопияли (мученики): — *ни смерть, ни жизнь*» (Рим. 8, 35–38). Ибо, «как смерть, крепка любовь» (Песн. 8, 6)».

КАКОЙ ГИМН ИМЕНИ ИИСУСОВУ!

«В каком же сосуде та неизреченная сладость — имя Иисусово — носиться любит? Воистину, в золотом, как золото в горниле бед и скорбей искушенном; который (сосуд), как камнями драгоценными, украшается язвами, за Иисуса подъятыми (Гал. 6, 17). Не случайно («не всуе», не напрасно) Иисус при взятии имени Своего в обрезании кровь проливает. Сим Он хочет указать, что сосуд, имеющий носить имя Его, кровию обогрывается. Посему именно, когда Господь стяжал избранный сосуд имени Своему — апостола Павла, — то тотчас добавил изречение: *Аз скажу ему, елика подобает ему о имени Моем пострадати* (Деян. 9, 15—16).

Так напишется имя Иисусово червленостию («красными» чернилами. — *М. В.*) крови, болезнями, страданиями стоящих до крови, против греха подвизающихся (Евр. 12, 41)».

«Облобызаем же тебя любезно, о сладчайшее имя Иисусово! Поклоняемся усердно пресвятому имени Твоему, о пресладкий и всещедрый Иисусе! Хвалим превеликое имя Твое, Иисусе Спасе! Припадаем к излиянной в обрезании крови, незлобивый Младенец и совершенный Господи!

Молим же превеликую Твою благодать — ради того пресвятого имени Твоего и ради той дражайшей изливаемой Твоей крови, а также ради и Пренепорочной Твоей Матери, нетленно Тя родившей, — излей на нас богатую Твою милость! Услади сердце наше Самим Тобою, Иисусе! Защити и огради нас всюду именем Твоим, Иисусе. Знаменай и (за)печатлей нас, рабов Твоих, сим именем, Иисусе; да и в будущий век Твой обрящемся с ангелами, славословя и воспевая пречистое и великолепое имя Твое, Иисусе, вовеки. Аминь!»

Какое чудное слово!.. Это подлинно гимн Иисусову имени!

Имяславие, говоря кратко, объясняется тем, что в Своем имени действует Сам Господь Бог; и в кресте, и в иконах. Поэтому вполне можно и нужно говорить, что суть этого действия — есть **Бог**.

«Молитва, — говорит преподобный Григорий Синаит, — есть Бог действующий».

И как я рад, что переписал часть этого слова, ибо сим малейшим, ничтожным делом и я, хоть мало, сопричастился к славословию имени Господа Иисуса Христа...

А далее — следовало бы приучаться к молитве Иисусовой и памяти Божией.

Я же — недостойнейший...

А еще далее — и главное — нужно бы «язвы носить» Господа: страдать за имя Его... Всячески... И прежде всего исполнением монашеского (и христианского) обета, борьбою со страстями и похотьми, распиная и плоть и самоугодную душу (Гал. 5, 24), — живя по духу (Гал. 5, 25).

Только такой чистый сосуд любит имя Иисусово!

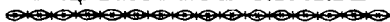
А верх славы и почитания имени Иисусова было и есть предание мучениками себя на смерть за Него!

Как видно из этого, не случайно, а самым тесным образом связано Обрезание с сим славословием имени «Иисус».

ПАМЯТЬ СВЯТИТЕЛЯ ВАСИЛИЯ ВЕЛИКОГО

СОЧЕТАНИЕ И ПРЕИМУЩЕСТВО ЕГО В ЦЕРКОВНОЙ СЛУЖБЕ

В день Обрезания Господня совершается еще память великого вселенского святителя Василия.

Не будем писать объяснения праздника его, так как это не относилось бы к двенадцатым праздникам, чем мы занимаемся теперь. Но, поскольку память его празднуется одновременно с Обрезанием, — и вся служба сплетается из обоих праздников.

И даже можно сказать, что служба святителю преимуществует пред Обрезанием. Например: литургия совершается — Василия Великого, то есть составленная им, ясно — в честь его; и память святых в большие праздники обычно оставляется или переносится на другие дни; малая вечерня совершается (кроме богородичных) только ему; на литии, на седальнах по кафизмам и полиелее — тоже; на хвалитех поем Обрезанию только одну первую стихиру (с повторением), а святому — положено пять (со «Славой»); утреннее Евангелие читается ему же; на 9-й песни канона припевы поются сначала празднику, а потом и святителю, чего не бывает святым. Этим Церковь выражает необычное почитание святителя Василия, имея, очевидно, основание к тому. В чем же оно?

Великий Василий — велик не только личной жизнью своей, — о чем говорит и слово сотрудника и друга его, святителя Григория Богослова, и житие его в Четьи-Минеи, — но и значением в Церкви: он боролся против еретиков ариан за православие; он создал монастыри в своей области и написал им уставы; он дал нравственные правила всем; он усовершенствовал Божественную литургию; его творения вошли частью в каноны Церкви; он писал письма сотням лиц, из коих некоторые письма сохранились доселе; он объяснял Священное Писание; написал знаменитый «Шестоднев», то есть — объяснение шести дней творения, хотя и не все успел: смерть прервала его труд; и уже брат его, святитель Григорий, епископ Нисский, докончил объяснение; он построил больницы и богадельни для больных, прокаженных и вообще для бедных, так что из них образовался целый городок, который в честь его так и назывался «Василиады», и проч., и проч.

Характерно и то, что у него в епископии, в клире, не было непорядков и интриг, чего не избежали ни святитель Григорий Богослов, ни святитель Иоанн Златоуст: одним видом он приводил подчиненных в благоговейный страх и наводил дисциплину. Недаром говорит красноречивый друг его Григорий: «Ты правил только семь лет; одного лишь этого мало было в тебе, Василий Великий!» А чудеса? А благодать, явно на нем почивающая? А ум? А речь?.. Действительно, приходится и теперь еще дивиться: как в такое малое время он сделал необычайно много!

За это Церковь и чтит его... За это и прозвала его Великим...

Знаменательно и совпадение смерти его, 1 января 379 года, с праздником Обрезания... Опытные подвижники советуют обращать внимание и на это; и жития святых говорят нам о многих таких примерах... И мы тоже знаем это... Здесь такое совпадение видится в том,

Первые годы своего детства Василий провел под ее надзором и руководством. Сам он потом пишет: «Я воспитан своею бабкою, блаженною женою. Говорю о знаменитой Макрине, от которой заучил я изречения блаженного Григория, сохранившиеся до нее по преемству памяти, кои и сама она соблюдала, и во мне еще с малолетства напечатлевала, образуя меня учением благочестия (веры). Понятие о Боге, которое приобрел я с детства от блаженной матери своей и бабки, возросло во мне с раскрытием разума».

Отец его, тоже Василий, пользовавшийся в Понте общим уважением, был тоже благочестивым, при всей своей знаменитости и богатстве. Мать Еммелия названа, как мы видим, «блаженной». В Русской Церкви ее имени нет в святцах⁴⁵, но нам точно известно, что иногда это имя (в западном произношении: «Эмилия») носили некоторые православные. И можно почитать и ее святою, хотя бы потому, что великий сын, осторожный и мудрый в словах, назвал ее «блаженной», как и святою бабу Макрину: тогда будет из этого рода не пять святых, а шесть.

Затем должен быть назван младший брат Василия — Григорий, которого он поставил епископом в Ниссу, по имени коей он и именуется († 394). Другой брат, Петр, о котором речь будет еще ниже. И старшая сестра его, Макрина младшая, игумения монастыря. Итого — шесть святых. Необыкновенное явление! Единственное в церковной истории, если не считать сонма мучеников из одного рода, или семи ветхозаветных братьев Маккавеев, матери их Соломонии и старца Елеазара.

Родился святитель Василий в 329 году — день неизвестен.

Дальше пока упомянем об учении его в школах Неокесарии, потом в Константинополе (Византии) и наконец в центре наук — в Афинах. Здесь он и позна-

Дивными показались Василию пустынники. «Я удивлялся воздержанию их в пище, терпению в трудах; изумлялся неослабному постоянству их в молитвах, и — тому, как они преобладали сон, и не были сами побеждаемы ни одною естественною необходимостью; всегда сохраняли твердость — *в голоде и жажде... на стуже и нагоде* (2 Кор. 11, 27)», «не заботясь о теле и не допуская в себе никакого о нем попечения, но как бы живя в чужом теле»: сим они «самим делом показывали, что значит обитать среди предметов настоящей жизни и — вместе — жить на небе. Удивляясь этой блаженной жизни мужей, которые делами своими являют, что носят *в теле мертвость Господа Иисуса* (2 Кор. 4, 10), я и сам желал, сколько для меня возможно, подражать им».

Так в нем загорелось желание строгой аскетической жизни.

Когда он прибыл в Иерусалим и вместе с другим спутником, бывшим его учителем, Еввулом, обратились к епископу города, Максиму, с просьбой крестить их... Тогда иные крестились поздно, взрослыми: Василию тогда было около 30 лет. Но о сем нам возглаголют чудеса.

Путники достигли Антиохии; и там архиепископ Мелетий рукоположил Василия в диакона. Оттуда они прибыли в свой город, Кесарию Каппадокийскую. Тут Василий был поставлен во пресвитера. Но скоро умер епископ Гермоген, и многие хотели избрать на его место Василия; но он, убегая от чести, скрылся. Тогда поставлен был Евсевий: муж истинно добронравный, но мало ученый. А Василий был ему помощником в делах. Но враг возбудил в душе епископа зависть к нему ради великой учености и строгой святой жизни его. Помня слова апостола Павла: *...дайте место гневу...* (Рим. 12, 19), святитель Василий удалился в Понт, где их семье принадлежало малое местечко.

Возьмем из Четых-Миней святителя Димитрия Ростовского. Начнем с самого крещения святителя.

Иерусалимский епископ Максим решил покрестить Василия и Еввула в святой реке Иордан, куда он и отправился со своим клиром. Когда они дошли туда, святитель Василий пал на землю и со слезами и воплем стал просить Господа о каком-нибудь знамении. Когда епископ хотел уже крестить его, то огненная молния сошла на обоих и из этой молнии явился голубь и, возмутивши воду, взлетел на небо. Все пришли в трепет. После крещения Максим миропомазал их и причастил Святых Таин.

Вознамерился святитель Василий расширить литургию, на основании существующей, созданной еще в начале христианства первым Иерусалимским епископом Иаковом, братом Господним. И пред этим важнейшим делом он усердно просил Бога дать ему благодать разума. И вот на седьмой день он был как бы в исступлении: сошел на него Святой Дух, и он начал литургисать своими словами.

В ту же ночь явился святителю Сам Господь Иисус Христос с апостолами и совершил преложение хлеба и чаши на жертвеннике. В трепете поднялся святитель Василий. Еввул и другие видели в алтаре свет небесный и неких мужей в светлых одеяниях. Ужаснувшись, они в слезах пали на землю. В память этого события святитель повелел сделать из золота изображение голубя, которое повешено было над святою трапезою. Великий святитель записал эту службу. Святитель Златоуст сократил ее. И теперь, вот уже более 1500 лет, мы молимся их словами ежедневно.

Во время святителя Василия императором Римским стал Юлиан Отступник⁴⁸ (361—363). Он был против христианства и хотел возродить язычество. В это время возникла война греков против персов. Юлиан взял на себя предводительство войском. Святитель Ва-

силиий однажды молился пред иконою Божией Матери, где было изображение и святого великомученика Меркурия в воинском одеянии. Святитель молился, чтобы Юлиан не возвратился живым с войны. Вдруг с иконы на некоторое время исчезло изображение мученика. Спустя немного времени он снова возвратился в икону, но уже с окровавленным копием. В это время Отступник был поражен и через несколько дней скончался. На его место был избран императором христианин.

Новое чудо совершилось во время литургии. Обычно, когда святитель Василий возносил Святые Дары, то голубь, по благодати Божией, троекратно сотрясался. Удивившись и осмотрев сослужащих, святитель увидел одного из диаконов, державших рипиды⁴⁹, улыбавшимся некоей женщине, стоявшей пред алтарем. Он отстранил его от престола, наложив на него эпитимию постом, молитвою и подаванием милостыни нищим. С той поры святой повелел делать завесы пред алтарем.

Еще одно, чрезвычайное чудо, о котором рассказывал очевидец слуга, а потом и заместитель престола, по кончине Василия. Один православный синклитик (сенатор), по имени Протерий, имел дочь. Дьявол возбудил в некоем рабе страсть к ней. Но замужество между ними не разрешалось. Тогда раб отправился к некоему волхву. Тот посоветовал ему отречься от Христа и дать в этом расписку. Раб пошел ночью на языческое кладбище и, по совету волхва, бросил ее в воздух. Явились бесы и отвели раба к дьяволу, которому раб повторил свое обещание, лишь [бы] девица была привлечена к нему. С той поры в ней загорелась страсть. И она стала умолять своего отца выдать ее за раба: иначе грозила самоубийством. Несчастный отец не знал: что делать?

И наконец, по совету родственников и друзей, согласился на брак. Но слуги скоро заметили, что раб перестал ходить в церковь и не причащается Святых Таин. Узнала о том и жена его. И ужасно опечалилась:

била себя в грудь, терзала ногтями свое лицо и кричала, валяясь на земле. Прибежал муж. И жена спросила: правда ли, что говорят о нем? Он солгал ей, что это не верно. Тогда она предложила ему на другой день пойти с нею в храм и при ней причаститься Святых Таин. Видя, что он дальше не может скрываться, муж искренно рассказал все, что было.

Она тотчас же побежала к святителю Василию. Он вызвал мужа, и тот подтвердил истину. Святитель спросил его: хочет ли он возвратиться ко Христу? «Хочу, но не могу», — отвечал несчастный. — «Почему?» — «Я отрекся собственноручной подписью от Христа и предался диаволу».

Тогда святой заключил его в прицерковном здании и велел ему молиться; и сам святитель три дня молился за него. Потом посетил его: бесы всячески мучают его и держат его расписку. Святитель утешил его: «Не бойся, чадо; только веруй!» Дал ему немного пищи, перекрестил его; и снова затворил. Спустя немного времени снова посетил его. Несчастный сказал: «Угрозы и вопли их слышу; но самих уже не вижу». В сороковой день святитель опять пришел к нему. Тот ответил: «Уже дóбре! Видел тебя во сне борющимся за меня и одолевшим диавола».

Святитель Василий вывел его из затвора и поместил в своей келии. На другой день он созвал клириков, монахов и христоролюбивых людей и все сообщил им; и что Господь готов принять погибшую душу. Но «подобает и нам в эту ночь помолиться к Его благости!» Вечером люди собрались в церковь и всю ночь молились, вопия: «Господи, помилуй!» Утром на следующий день святитель привел погибавшего в храм. Но и диавол невидимо явился туда со всею своей силою, чтобы исхитить несчастного из рук святого. Тот начал вопить: «Святче Божий! помоги мне!» Диавол же, стараясь вырвать его, тянул к себе не только отрока, но

терзал и святого. Тогда блаженный с гневом сказал дьяволу, что тот не только сам погиб, но еще преследует и создание Божие! «Обижаешь меня, Василий!» — ответил враг. Этот голос слышали многие. Святой говорит: «Да запретит тебе Господь, дьяволе!» — «Василий! обижаешь меня: не я пришел к нему, а он — ко мне и отрекся от Христа твоего и дал мне в этом рукописание, которое я имею в своей руке, и в день судный представлю общему Судии».

Тогда святой обратился к народу: «Поднимите кверху руки ваши и возопийте: “Господи, помилуй!”» Молящиеся вознесли руки и долго вопили: «Господи, помилуй!» И вдруг расписка пронеслась по воздуху и упала на руки Василия. Принял ее святой, обрадовался и обратился пред всеми к отроку: «Знаешь ли, брат, это письмо?» — «Да, святче Божий: мое есть; я написал его собственною рукою!» Тогда святитель Василий разорвал его пред всеми; причастил Божественных Таин; а людей угостил. Спасенного же довольно наставив, отдал жене его, громко славословившей и благодарившей Бога.

Великое чудо Великого Василия и Церкви Божией!

Тот же достоверный муж Елладий сообщил и о другом дивном событии. Однажды святитель Василий пригласил клириков пойти с ним за город. В одном селении был пресвитер Анастасий, проживший в девстве с женою своею Феогниею 40 лет. И никто об этом не знал. Анастасий к тому же имел дар прозорливости. Провидя, что к нему идет Василий, он сказал жене: «Я пойду на поле работать; а ты, госпожа сестра моя, украси дом; и в 9-й час (по-нашему, в 3-й пополудни) зажги свечи и выдь навстречу архиепископу Василию: он идет посетить нас, грешных». Она все так и сделала.

Архиепископ спросил ее: «Здорова ли ты, госпожа Феогния?» Она ужаснулась, что он знает и имя ее. Потом он спросил: «Где господин Анастасий, брат

ночь. А утром вывел его целым и здоровым... После любезной беседы с пресвитером святой воротился домой...

Боже! какие были среди христиан великие люди!

Рассказывается также, как преподобный Ефрем пришел к святому Василию из Сирии в Кесарию, чтобы посмотреть на него: много удивительного говорили про него. И сначала, увидев величественное шествие его из епископского дома на богослужение вместе с духовенством, в светлых облачениях, он разочарованно подумал и сказал своему переводчику: «Напрасно мы трудились, брате!» Но Василий, прозорливый дар имея, уже знал: кто пришел к нему. И послал своего архидиакона, предлагая гостю прийти в алтарь. Народу же в храме было такое множество, что посланный едва протискался до него. Ефрем сослался на ошибку: «Мы — народ из иной страны; и архиепископу — неведомы». Архидиакон пошел обратно доложить святому. В это время святитель разъяснял Священное Писание; и преподобный увидел, как из уст того исходил как бы огненный язык. Святой Василий вторично послал архидиакона сказать: «Господине Ефреме! приди во святы́й алтарь: зовет тебя архиепископ!» Удивился преподобный, что святителю известно и имя его. Но не пошел сейчас, а просил позволения встретиться с ним после службы. Святой пошел в ризницу; туда привели и Ефрема, где святитель и причастил преподобного. После беседы он попросил Великого Василия умолить Господа послать ему дар говорить по-гречески, — что и было. Прогостил он у святителя три дня. Святитель рукоположил его во пресвитера, а переводчика — в диакона, и отпустил их с миром.

После с именем преподобного Ефрема было связано другое чудо.

Одна богатая женщина боялась исповедать грехи свои. Ведь в древнее время исповедовались пред всею Церковью; или же грехи ее были тяжки. Тогда она от-

крыла их через письмо, запечатала его; но, подавая святителю, молила не читать его, а разрешить и письмо возвратить ей целым. Каково же горе было, когда она увидела, что все грехи были изглажены из хартии, кроме одного. И архиепископ велел ей идти в Сирию и обратиться с просьбой к Ефрему. Она направилась туда. Преподобный же, прозорливо зная, зачем она пришла, сказал ей: «Отойди от меня, женщина: я — человек грешный; и сам нуждаюсь в помощи других». Она же бросила ему письмо со словами: «Архиепископ Василий послал меня к тебе. Прочие грехи он очистил; а ты об одном не поленись помолиться: к тебе я послана!» Но преподобный ответил ей: «Нет, чадо! А кто мог умолить Бога о многих твоих грехах, тем более может умолить об одном. Иди, и не медли, чтобы застать его живым, прежде чем он отойдет к Господу». Она поклонилась преподобному и поспешила в Кесарию. Но Василия уже несли на погребение. Она стала рыдать, что не застала святого в живых... Но потом решила бросить письмо на гробницу. Один клирик взял его и вскрыл. Но там было уже все — чисто!

В заключение — достойно упомянуть о чуде с братом его Петром, уже бывшим в то время епископом Севастийским. Пред епископством он должен был прекратить общение со своей женой. Но клеветники распространяли слух, что он живет с ней. «Хорошо, что вы сообщили мне об этом. Я с вами отправлюсь к нему и обличу его». А Петр, ибо и он был исполнен Духа Божия, прозрел приход великого брата и вышел ему навстречу за восемь поприщ от города. Увидев блаженного, идущего в сопровождении многих, он улыбнулся и сказал ему евангельскими словами: «Как на разбойника пришел ты, господин брат мой» (Мф. 26, 55).

Придя в город, они сначала помолились в церкви сорока мучеников, замороженных, как известно, в холодном озере⁵⁰, — а потом направились в епископский

дом. Увидев здесь свою сноху, Василий приветствовал ее словами: «Радуйся (греки и доселе приветствуют друг друга так же), благая моя, паче же, Господня: ведь я ради тебя и потрудился прийти сюда».

Василий велел брату спать эту ночь с женою в церкви. Туда же пришел и святитель с пятью праведными мужами. «Что вы видите над братом моим и снохою?» — спросил он их. — «Ангелов Божиих, реющих над ними и помазывающих ароматами непорочное ложе их». Утром Василий, когда в церковь собрался народ, приказал принести железный сосуд, наполненный горячими углями. Он сказал ей: «Прости, честная невесто, покрывало свое». Она исполнила это. Святой повелел наложить туда углей. Потом принесли другие горящие угли. Василий приказал слугам всыпать их в фелонь брату. И одежды обоих долгое время оставались нетронутыми огнем; и даже не было никакого запаха и дыма. А святитель велел и ночным свидетелям рассказать: что они видели... И все прославили Бога.

КОНЧИНА СВЯТИТЕЛЯ БОЖИЯ

Но время нам прийти и к концу жития его.

Изнуренный подвигами, постом и болезнями, великий святитель приблизился к кончине своей, хотя ему было только 49 лет.

Но и тут он совершил чудо. У него был врач — еврей по имени Иосиф. Много раз Василий убеждал его принять святое крещение, но тот отказывался: «В какой вере родился, в такой хочу и умереть!» Умиравший сказал ему: «Поверь мне: без благодати Божией нельзя войти в Царствие Божие». И многое иное говорил он Иосифу. Но тот оставался в неверии. Пред самую смертью Василий позвал его, как будто для

врачебной помощи. Но он, осмотрев умирающего, сказал домашним: «Приготовляйте все к погребению: он скоро умрет!» А Василий ответил: «Не знаешь, что говоришь!» Еврей возразил: «Поверь мне: еще солнце не зайдет, как ты умрешь». — «А если доживу до 6-го часа (по-нашему — 12-го), что сделаешь?» Врач, шутя, ответил: «Да умру». — Святой сказал: «Да! Пусть ты умрешь для греха, чтобы ожить для Бога». — «Знаю, владыко, что ты сумеешь. Но клянусь тебе: если ты хоть до утра доживешь, я исполню твою волю». Святой стал молиться Богу, чтобы Он, для спасения евреина, продлил ему жизнь до утра. Утром Василий послал слугу за врачом. Но еврей не поверил и слуге. Увидев святителя живым, он был изумлен; и припал к ногам его. И тут же отрекся от еврейства. И сам же [Василий] дошел до храма, крестил врача и всю семью его, назвав Иоанном. Отслужил литургию. Причастил новокрещеных. И дожил еще до 3-х часов дня. И спокойно предал дух свой Богу... Это было 1 января 379 года. Погребли его в церкви святого мученика Евтихия. Святитель Григорий Богослов успел прибыть к похоронам и сказал свое надгробное слово, — куда и отсылается читатель.

В добавление к этому я расскажу случай, о котором я теперь (1955 г.) знаю, может быть, один в России.

В Париже я лечился у доктора М-на⁵¹. И он рассказал мне следующий знаменательный сон. К утру проходило какое-то торжественное шествие. Когда оно приблизилось к нему, кто-то говорит ему: «Грядет Пресвятая Богородица с Василием Великим за душой Патриарха Тихона». «Я, грешный, недостойный видеть Божию Матерь, упал лицом на землю. Шествие стихло. Утром я направился к м[итрополиту] Евлогию⁵² и рассказал ему виденное. — “А при чем тут Василий Великий?” — “Как же?! — ответил митрополит, — Патриарх до пострига носил имя святителя Василия Великого!”»

Святителю отче Василие! моли Бога о нас! Моли о Церкви Святой! Моли о просящих твоей помощи!

Конец.

М. В. 1955. 7 марта н. ст.

**НАДГРОБНОЕ СЛОВО ВАСИЛИЮ,
АРХИЕПИСКОПУ КЕСАРИИ КАППАДОКИЙСКОЙ,
ПРОИЗНЕСЕННОЕ ГРИГОРИЕМ БОГОСЛОВОМ,
АРХИЕПИСКОПОМ КОНСТАНТИНОПОЛЬСКИМ**

(В значительном сокращении)

<...>

...Никто не должен дивиться, что принимаюсь за дело поздно и после того, как многие восхваляли Василия и прославляли его наедине и всенародно. Да простит мне божественная душа, всегда, как ныне, так и прежде, мною досточтимая! <...>

...Все мы равно отстоим от Василия и то же пред ним, что пред небом и солнечным лучом взирающие на них.

<...>

Каждое поколение и каждый член в поколении имеет какое-либо свое отличительное свойство, и о нем есть более или менее важное сказание, которое, получив начало во времена отдаленные или близкие, как отеческое наследие переходит в потомство. Так и у Василия отличием отцового и мате­рино­го рода было благо­честие...

<...>

Супружество Василиевых родителей, состоявшее не столько в плотском союзе, сколько в равном стремлении к добродетели, имело многие отличительные черты, как то: питание нищих, странноприимство, очищение души посредством воздержания, посвящение Богу части своего имущества... <...> Но мне кажется в нем самую важную и знаменитую чертою благо­ча­дие. <...>

Кто не знает Василиева отца, Василия — великое для всех имя? Он достиг исполнения родительских желаний; не скажу, что достиг один; по крайней мере, как только достигал человек. Ибо, всех превосходя добродетелию, в оном только сыне нашел препятствие удерживать за собою первенство. Кто не знает Еммелию? Потому что она предначертана сим именем, что впоследствии такою соделалась, или потому соделалась, что так наречена; но она действительно была соименна стройности (греч. — ἔμμελια) или, кратко сказать, то же была между женами, что супруг ее между мужами. <...>

<...>

...Благодетельно было для Василия, что он дома имел образец добродетели, на который взирая, скоро стал совершенным. <...>

...Чтобы ему ни в чем не отстать от трудолюбивой пчелы, которая со всякого цветка собирает самое полезное: тогда поспешает он в Кесарию для поступления в тамошние училища. <...>

<...> Он был ритором между риторамии еще до кафедры софиста, философом между философами еще до выслушания философских положений, а что всего важнее, иереем для христиан еще до священства. <...> А главным его занятием было любомудрие, то есть отрешениис от мира, пребывание с Богом...

Из Кесарии Самим Богом и прекрасною алчбою познаний ведется Василий в Византию... а из Византии в Афины — обитель наук, в Афины, если для кого, то для меня подлинно золотые и доставившие мне много доброго. Ибо они совершеннее ознакомили меня с сим мужем, который не безызвестен был мне и прежде. <...>

<...>

Несколько прежде приняли они меня, а потом и Василия, которого ожидали там с обширными и вели-

кими надеждами; потому что имя его, еще до прибытия, повторялось в устах у многих...

<...>

<...> ...Новоприбывшего в торжественном сопровождении чрез площадь отводят в баню. И это бывает так: став порядком попарно и в расстоянии друг от друга, идут впереди молодого человека до самой бани. А подходя к ней, поднимают громкий крик и начинают плясать, как иступленные; криком же означается, что нельзя им идти вперед, но должно остановиться, потому что баня не принимает. И в то же время, выломив двери и громом приводя в страх вводимого, дозволяют ему наконец вход, и потом дают ему свободу, встречая из бани, как человека с ними равного и включенного в их собратство...

А я своего Великого Василия не только сам принял тогда с уважением, потому что провидел в нем твердость нрава и зрелость в понятиях, но таким же образом обходиться с ним убедил и других молодых людей, которые не имели еще случая знать его... Что же было следствием сего? Почти он один из прибывших избежал общего закона и удостоен высшей чести, не как новопоступающий. И сие было начатком нашей дружбы. Отсюда первая искра нашего союза. Так уязвились мы любовью друг к другу.

<...>

<...> Нами водили равные надежды и в деле самом завидном — в учении. <...> Казалось, что одна душа в обоих поддерживает два тела. ...Мы были один в другом и один у другого. У обоих нас одно было упражнение — добродетель, и одно усилие — до отшествия отсюда, отрешаясь от здешнего, жить для будущих надежд. <...> Нам известны были две дороги: одна — это первая и превосходнейшая, вела к нашим священным храмам и к тамошним учителям; другая — это вторая и неравного достоинства с первою, вела к наставникам

наук внешних. Другие же дороги — на праздники, в зрелища, в народные стечения, на пиршества — предоставляли мы желающим. Ибо и внимания достойным не почитаю того, что не ведет к добродетели... <...> ...Живя в Афинах, мы утверждались в вере; потому что узнали обманчивость и лживость идолов, и там научились презирать демонов, где им удивляются. <...>

<...>

<...> Какого рода наук не проходил он? Лучше же сказать: в каком роде наук не успел с избытком, как бы занимавшийся этой одной наукой? Так изучил он все, как другой не изучает одного предмета; каждую науку изучил он до такого совершенства, как бы не учился ничему другому. <...> Врачебную науку — этот плод любознания и трудолюбия — соделали для него необходимою и собственные телесные недуги, и хождение за больными... Впрочем, все сие, сколько оно ни важно, значит ли что-нибудь в сравнении с нравственным обучением Василия? <...>

<...> ...Василий, объяснив причины, по которым непременно хочет возвратиться на родину, превозмог удерживавших, и они, хотя принужденно, однако же согласились на его отъезд. А я остался в Афинах... <...> Но моя утрата была не долговременна...

<...> Василия же Божие многообразное человеколюбие и смотрение о нашем роде... поставляет знаменитым и славным светильником Церкви, сопричислив пока к священным престолом пресвитерства, и чрез один град — Кесарию — возжигает его для целой вселенной. <...>

<...> Сей истолкователь священных книг сперва читает их народу, и сию степень служения алтарю не считает для себя низкою...

<...> ...Потом со мною же вместе предается он бегству, удаляется отсюда в Понт, и настоятельствует в тамошних обителях, учреждает же в них нечто достойное памятования, и лобызает пустыню...

За сии и подобные дела... возводится он на высокий престол епископский, правда, не без затруднений, не без зависти и противоборства... Впрочем, надлежало препобедить Духу Святому, и Он подлинно по превосходству побеждает. Ибо из сопредельных стран воздвигает для помазания известных благочестием мужей и ревнителей, а в числе их и нового Авраама, нашего патриарха, моего отца, с которым происходит даже нечто чуждое. Не только по причине многих лет оскудевших силами, но и удрученный болезнью, находясь при последнем дыхании, он отваживается на путешествие, чтобы своим голосом помочь избранию, и, возложив упование на Духа (скажу кратко), возложен был мертвым на носила, как во гроб, возвращается же юным...

<...> И добродетель Василиева получила тогда, как думаю, не приращение, но больший круг действий, и при власти нашла она больше предметов, где показать себя.

Во-первых, делает он для всех явным, что данное ему было не делом человеческой милости, но даром Божией благодати. <...>

Потом умягчает и врачует он высокоумным и цельбоносным словом своим тех, которые восставали против него. И достигает сего не угодливостию, и не поступками неблагородными, но действуя весьма отважно и прилично сану, как человек, который не смотрит на одно настоящее, но промышляет о будущей благопокорности. <...> Не хитростию поработал он, но привлекал к себе благорасположением. Не власть употреблял он наперед, но пощадою покорял власти, и, что всего важнее, покорял тем, что все уступали его разуму, признавали добродетель его для себя недостижимую, и в одном видели свое спасение — быть с ним и под его начальством, а также одно находили опасным — быть против него, и отступление от него почитали отчуждением от Бога. <...>

<...> ...Он, хотя во всем другом соблюдал умеренность, в этом же не знает умеренности; напротив того, высоко подъяв главу и озирая окрест душевным оком, объемяет всю вселенную, куда только пронеслось спасительное слово. Примечая же, что великое наследие Бога, стяжанное Его учениями, законами и страданиями, *язык свят, царское священство* (1 Пет. 2, 9), приведено в худое положение, увлечено в тысячи мнений и заблуждений... и повреждено лукавым и диким вепрем — диаволом (Пс. 79, 9—14), — примечая это, Василий не признает достаточным в безмолвии оплакивать бедствие и к Богу только воздевать руки, у Него искать прекращения обдергающих зол, а самому между тем почивать; напротив того, он вменяет себе в обязанность и от себя привнести нечто и оказать какую-нибудь помощь. Ибо что горестнее сего бедствия? <...> Он взыскует Божеской или и человеческой помощи, только бы остановить общий пожар и рассеять облегающую нас тьму.

<...> Сколько мог, углубившись в себя самого и затворившись с Духом, напрягает все силы человеческого разума, перечитывает все глубины Писания, и учение благочестия предаёт письмени. Делает возражение еретикам, борется и препирается с ними, отражает их чрезмерную наглость, и тех, которые были под руками, низлагает вблизи разящим оружием уст, а тех, которые находились вдали, поражает стрелами письмен...

Но было у него и другое средство. Поелику, как дело без слова, так и слово без исполнения равно не совершенны, то он присовокупляет к слову и содействие самих дел. К одним идет сам, к другим посылает, иных зовет к себе, дает советы, *обличает, запрещает* (2 Тим. 4, 2), угрожает, укоряет, защищает народы, города, людей частных, придумывает все роды спасения, всем врачует. <...>

<...>

ем, нежели произведут ужас. Сверх этого оскорбляй, грози, делай все, что тебе угодно, пользуйся своею властью. Пусть слышит о сем и царь, что ты не покоришь себе нас и не заставишь приложиться к нечестию, какими ужасами не будешь угрожать».

Когда Василий сказал сие, а правитель, выслушав, узнал, до какой степени неустрашима и неодолима твердость его, тогда уже не с прежними угрозами, но с некоторым уважением и с уступчивостию велит ему выйти вон и удалиться. А сам, как можно поспешнее представ царю, говорит: «Побеждены мы, царь, настоятелем сея Церкви. Это муж, который выше угроз, тверже доводов, сильнее убеждений. Надобно подвергнуть искушению других, не столько мужественных, а его или открытою силой должно принудить, или и не ждать, чтобы уступил он угрозам».

После сего царь, вина сам себя и будучи побежден похвалами Василию (и враг дивится доблести противника), не велит делать ему насилия; и как железо, хотя умягчается в огне, однако же не престает быть железом; так и он, переменяв угрозы в удивление, не принял общения с Василием, стыдясь показать себя переменявшимся, но ищет оправдания наиболее благоприличного. И сие покажет слово. Ибо в день Богоявления, при многочисленном стечении народа, в сопровождении окружающей его свиты, вошел во храм и присоединясь к народу, сим самым показывает вид единения. Но не должно прейти молчанием и сего. Когда вступил он внутрь храма, и слух его, как громом, поражен был начавшимся псалмопением; когда увидел он море народа, а в алтаре и близ оного не столько человеческое, сколько ангельское благолепие, и впереди всех в прямом положении стоял Василий... когда, говорю, царь увидел все сие и не находил примера, к которому бы мог применить видимое, тогда пришел он в изнеможение как человек, и взор и душа его от изумления

покрываются мраком и приходят в кружение. Но сие не было еще приметным для многих. Когда же надобно было царю принести к Божественной трапезе дары, приготовленные собственными его руками (по изъяснению Никиты, дары сии состояли в золотых сосудах), и по обычаю никто до них не касался (не известно было, примет ли Василий); тогда обнаруживается его немощь. Он колеблется на ногах, и если бы один из служителей алтаря, подав ему руку, не поддержал колеблющегося, и он упал, то падение сие было бы достойно слез. <...>

Но вот другое происшествие, которое не маловажнее описанных. Злые превозмогли; Василию определено изгнание, и ничего недоставало к исполнению определения. Наступила ночь; приготовлена колесница; враги рукоплескали; благочестивые унывали; мы окружали путника, с охотою готовившегося к отъезду, исполнено было и все прочее, нужное к сему прекрасному поруганию. И что же? <...> Царев сын страдал и изнемогал телом; сострадал с ним и отец. И что же делает отец?.. ..Как царь нигде не находил врачевства от болезней, то прибегает к Василиевой вере. <...> И Василий пришел, не отговариваясь...

Сказывают, что в скором времени случилось то же и с областным начальником. Постигшая болезнь и его подклоняет под руку святого. <...> Правитель страдал, плакал, жаловался, посылал к Василию, умолял его, взывал к нему: «Ты удовлетворен; подай спасение!» И он получил просимое, как сам сознавался и уверял многих не знавших о сем; потому что не переставал удивляться делам Василиевым и пересказывать о них.

<...>

...Брань от мира прекратилась и возымела от Бога правый конец, достойный Василиевой веры. Но с сего же времени начинается другая брань, уже от епископов и их сподборников... <...> К Василию давно не

Кем устроены обители дев? Кем составлены письменные правила, которыми он уцеломудривал всякое чувство, приводил в благоустройство каждый член тела и убеждал хранить истинное девство, обращая внутреннюю красоту от видимого к незримому, изнуря внешнее, отнимая у пламени сгораемое вещество, сокровенное же открывая Богу — единому Жениху чистых душ. <...>

<...>

Что еще? Прекрасны человеколюбие, питание нищих, вспомоществование человеческой немощи. Отойди несколько от города и посмотри на новый город (странноприимный дом, построенный святителем Василием близ Кесарии), на сие хранилище благочестия, на сию общую сокровищевлагательницу избыточествующих, в которую по увещаниям Василия вносятся не только избытки богатого, но даже и последние достояния... <...> Теперь нет уже пред нашими взорами тяжкого и жалкого зрелища; не лежат перед нами люди, еще до смерти умершие и омертвевшие большею частью телесных своих членов, гонимые из городов, из домов, с торжищ, от вод, от людей, наиболее им любезных, узнаваемых только по именам, а не по телесным чертам. <...> Василий преимущественно пред всеми убеждал, чтобы мы как люди не презирали людей, бесчеловечием к страждущим не бесчестили Христа — единую всех Главу; но чрез бедствия других благоустроили собственное свое спасение и, имея нужду в милосердии, свое милосердие давали взаим Богу. Посему этот благородный, рожденный от благородных и сияющий славою муж не гнушался и лобзанием уст чтить болезнь, обнимал недужных, как братьев... чтобы научить своим любомудрием — не оставлять без услуг страждущие тела. <...>

<...>

<...> ...Кто был столько приятен в собраниях, как известно сие мне, который всего чаще имел случай видеть его? кто мог увлекательнее его беседовать, шутить назидательно, уязвлять не оскорбляя, выговора не доводить до наглости, а похвалы до потачки, но в похвале и выговоре избегать неумеренности, пользоваться ими с рассуждением...

Но что сие значит в сравнении с совершенством Василия в слове, с силою дара учить, покорившею ему мир. <...>

<...> В Василии красотою была добродетель, величием — богословие, шествием — непрестанное стремление и восхождение к Богу, силою — сеяние и раздаяние слова. <...> Что услаждает на пиршествах, на торжествах, в церквах, увеселяет начальников и подчиненных, монахов и уединенно-общежительных, людей бездолжностных и должностных, занимающихся любомудрием внешним или нашим? Везде одно и величайшее услаждение — это писания и творения Василиевы. После него не нужно писателям иного богатства, кроме его писаний. <...>

Когда имею в руках его «Шестоднев» и произношу устно, тогда беседую с Творцом, постигаю законы творения и дивлюсь Творцу более, нежели прежде, имев своим наставником одно зрение. Когда имею пред собою его обличительные слова на еретиков, тогда вижу содомский огонь, которым испепеляются лукавые и беззаконные языки... Когда читаю слова о Духе, тогда Бога, Которого имею, обретаю вновь и чувствую в себе дерзновение вещать истину, восходя по степеням его богословия и созерцания. <...> Когда займусь его похвалами подвижникам, тогда презираю тело, беседую с похваляемыми, возбуждаюсь к подвигу. Когда читаю нравственные и деятельные его слова, тогда очищаюсь в душе и в теле, делаюсь угодным для Бога храмом... в который ударяет Дух...

<...> За первое учение, за единение и собожественность (или не знаю, как назвать точнее и яснее) в Святой Троице Василий охотно согласился бы не только лишиться престолов, которых не домогался и вначале, но даже бежать их, и самую смерть, а прежде смерти мучения, встретил бы он как приобретение, а не как бедствие. Сие и доказал уже он тем, что сделал и что претерпел; когда, за истину осужденный на изгнание, о том только позаботился, что одному из провожатых сказал: возьми записную книжку и следуй за мною. <...> Еретики подыскивались, чтобы уловить ясное речение о Духе, что Он Бог; сие справедливо, но казалось злостивым для них и для злого предстателя нечестия. Им хотелось изгнать из города Василия — сии уста богословия, а самим овладеть Церковью... Но Василий иными речениями Писания и несомненными свидетельствами, имеющими такую же силу, а также неотразимостию умозаключений столько стеснил прекословивших, что они не могли противиться, но были связаны собственными своими выражениями, что и доказывает особенную силу его слова и благоразумие. <...>

<...>

Сверх всего, скажу еще об одном, и притом кратко. Такова доблесть сего мужа, таково обилие славы, что многое маловажное в Василии, даже телесные его недостатки, другие думали обратить для себя в средство к славе. Таковы были бледность лица, отращение на нем волос, тихость походки, медленность в речах, необычайная задумчивость и углубление в себя... Таковы же были: вид одежды, устройство кровати, приемы при вкушении пищи, что все делалось у него не по намерению, но просто и как случилось. <...>

Когда же, течение скончав и веру соблюдши, возжелал он разрешиться и наступило время к принятию венцов... тогда совершает он чудо, не меньше описанных. Будучи уже почти мертв и бездыханен, оставив

вовсе оставил); а я — Григорий — полумертвый, полусеченный, отторгнутый от великого союза (как и свойственно разлученному с Василием), влекущий жизнь болезненную и неблагоуспешную, не знаю, чем кончу, оставшись без его руководства. Впрочем, и донныне подает он мне советы и, если когда преступаю пределы должного, уцеломудривает меня в ночных видениях.

<...> Итак, все вы, предстоящие мне, весь Василиев лик, все служители алтаря, все низшие служители Церкви, все духовные и мирские, приступите и составьте со мною похвалу Василию: пусть каждый расскажет об одном каком-нибудь из его совершенств; пусть ищут в нем сидящие на престолах — законодателя, гражданские начальники — градостроителя, простолюдины — учителя благочиния, ученые — наставника, девы — невестоводителя, супруги — наставника в целомудрии, пустынники — окрыляющего, живущие в обществе — судию, любители простоты — путеводителя, ведущие жизнь созерцательную — богослова, живущие в веселии — узду, бедствующие — утешение, седина — жезл, юность — детовожделение, нищета — снабдителя, обилие — домостроителя. Думаю, что и вдовы восхвалят покровителя, сироты — отца, нищие — нищелюбца, странные — страннолюбца, братья — братолюбца, больные — врача, от всякой болезни подающего врачевство, здоровые — охранителя здоровья, и все — *всем бывшего вся* (1 Кор. 9, 22), да всех или как можно большее число людей приобретет.

<...> Призри же на меня свыше, божественная и священная глава... и всю жизнь мою направь к полезнейшему! А если преставлюсь, и там прими мя в кривы свои, чтобы, сожительствуя друг с другом, чище и совершеннее <созерцать> Святую и Блаженную Троицу...

Такое тебе от меня слово! ...О Христе Иисусе Господе нашем, Которому слава вовеки. Аминь.